

РУССКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1912 г. И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МОНГОЛИИ

© 2023

С. А. Кузьмин¹

Обсуждается динамика международно-правового статуса Монголии в связи с заключением Русско-Монгольского соглашения 1912 г. Ранее Монголия никогда не была частью Китая и в период существования империи Цин представляла собой разрозненные владения, в основном находившиеся в вассальной зависимости от императоров маньчжурской династии Айсинь Гьоро. Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. было легитимным актом, тогда как включение монгольских земель в состав Китайской республики было нелегитимно. Ко времени заключения соглашения 1912 г. при всех различиях подходов российской и монгольской сторон их главные интересы сходились в том, что Монголия не должна была колонизироваться китайцами и китаизироваться, провозглашенная ею независимость и самоуправление должны были в той или иной форме сохраняться с опорой на развитие отношений между Монголией и Россией. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. явилось результатом взаимных компромиссов российской и монгольской сторон во время переговоров. По содержанию, способу выработки и заключения это был документ о признании независимого государства, каковым его справедливо считали монголы. Его подписанием Россия признала договороспособность и международную правосубъектность Монгольского государства. Русско-Китайская декларация 1913 г. и трехстороннее Китайско-Русско-Монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г., пришедшее на смену Соглашению 1912 г., инкорпорировали ряд положений последнего. Соглашение 1915 г. также признавало государственность Монголии и ее автономию под чисто формальным сюзеренитетом Китая. В 1919 г. в результате нелегитимной отмены Китаем автономии Внешней Монголии она приобрела статус оккупированного государства. Барон Р. Ф. Унгерн в 1921 г. освободил Внешнюю Монголию от оккупации и восстановил ее независимость. Этот статус сохранялся и у МНР до 1946 г., после чего пришло широкое международное признание независимости государства Монголия. Но основу статуса современной Монголии как независимого государства заложило именно Русско-Монгольское соглашение 1912 г., санкционированное двумя монархами — России и Монголии.

Ключевые слова: Русско-Монгольское соглашение 1912 г., международное право, международные договоры, независимость, самоопределение, Россия, Монголия, Китай

Для цитирования: Кузьмин С. А. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и международно-правовой статус Монголии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 11–35. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-011-035

---

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ipe51@yahoo.com
ORCID: : 0000-0001-9544-1359

THE 1912 RUSSO-MONGOLIAN AGREEMENT AND INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF MONGOLIA

Sergius L. Kuzmin

The dynamics of Mongolia's international legal status is discussed in connection with the conclusion of the 1912 Russo-Mongolian Agreement. Previously, Mongolia had never been a part of China, and during the existence of the Qing Empire she represented scattered possessions, mostly in vassalage to the emperors of the Manchu dynasty Aisin Gyoro. The proclamation of Mongolia's independence of 1911 was a legitimate act, while the inclusion of Mongolia into the Republic of China was illegitimate. By the time of conclusion of the 1912 Agreement, despite all differences in approaches of the Russian side and the Mongolian side, their main interests converged in the need for Mongolia's self-dependence: Mongolia should not have been colonized by the Chinese and never sinicized, the independence and self-government proclaimed by Mongolia should have been preserved in any form based on the development of relations between Mongolia and Russia. The 1912 Russo-Mongolian Agreement was the result of mutual compromises between Russian and Mongolian sides during negotiations. In terms of content, method of elaboration and conclusion, it was a document on the recognition of an independent state, which the Mongols legitimately considered it to be. By signing this Agreement, Russia recognized the international legal capacity and legal personality of the Mongolian state. The Russo-Chinese Declaration of 1913 and the tripartite Chinese-Russian-Mongolian Kyakhta Agreement of 1915, which replaced the Agreement of 1912, incorporated a number of provisions of the latter. The 1915 Agreement also recognized the statehood of Mongolia and her autonomy under the formal suzerainty of China. As a result of China's illegitimate abolition of the autonomy of Outer Mongolia in 1919, Mongolia acquired the status of an occupied state. Baron R. F. Ungern-Sternberg in 1921 liberated Outer Mongolia from occupation and restored its independence. This status was maintained by the Mongolian People's Republic until 1946, after which her independence was widely recognized internationally. But the basis for the status of modern Mongolia as an independent state was laid by the 1912 Russo-Mongolian Agreement sanctioned by the monarchs of Russia and Mongolia.

Keywords: 1912 Russo-Mongolian Agreement, international legislation, international agreements, independence, self-determination, autonomy, Russia, Mongolia, China

For citation: Kuzmin S. L. The 1912 Russo-Mongolian Agreement and International Legal Status of Mongolia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 1. Pp. 11–35. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-011-035

В 2022 г. было отмечено 110-летие Русско-Монгольского соглашения, или договора 1912 г. — первого международного договора в новой истории независимой Монголии. Этот документ важен не только для обоих государств, но и для цивилизаций, хотя до сих пор незаслуженно недооценивается. Между тем бывший тогда директором юридической секции МИД Российской империи барон Б. Э. Нольде в своих воспоминаниях позже отмечал: «Создание Монголии — одно из крупных дипломатических достижений императорской России <...> Договор И. Я. Коростовца сыграл решающую роль в процессе образования Монголии» [Нольде, 1930, с. 71, 76].

К настоящему времени опубликованы дневник и мемуары И. Я. Коростовца, подписавшего данное соглашение с российской стороны [Коростовец, 1995, 1996, 2004, 2009; Бакитч, 2013], текст самого соглашения и (или) сопутствующих документов, их переводы [Собрание..., 1912;

Правительственное сообщение..., 1912; Известия МИД, кн. 1, 1913; Шинэ толь хэмээх бичиг, № 1, 1913; Accord d'amitie..., 1913; Сборник дипломатических..., 1914; Нольде, 1915; Полное собрание..., 1915; American..., 1916; MacMurray, 1921; Outer Mongolia, 1921; Красный архив, 1926; Гримм, 1927; Международные отношения..., 1940; Сборник..., 1952; Русско-китайские..., 1958; Российско-монгольское..., 2008]. В ряде исследований анализируются предпосылки, выработка, особенности и последствия заключения этого соглашения [Овчинников, 1925, 1926; Каллиников, 1926; Friters, 1937; Mansvetov, 1945; Dallin, 1950; Пунцагноров, 1955; Tang, 1959; Ширендыб, 1963; Сандаг, 1971; Leong, 1976; Onon, Pritchatt, 1989; Белов, 1994, 1997; Магсаржав, 1994; Нег, 1997; Балдоо и др., 1999; Лузянин, 2003; Дэндэв, 2006; Батбаяр, 2006, 2013; Лиштованный, 2007; Дудин, 2011а, б, 2013, 2017; Лонжид, 2011; Тачибана, 2011, 2019; Батсайхан, 2012, 2013, 2014, 2016, 2018, 2021; Дудин, Митупов, 2012; Кузьмин, 2012, 2015, 2016, 2017, 2020; Курас, Цыбе-нов, 2012; Монгол-Оросын..., 2013; Наками, 2013; Батунаев, 2015; Курас, 2015; Кузнецов, 2016; Дарьина, 2020; Miele, 2022].

Примечательна история публикаций и эволюция оценки соглашений с Российской империей, подписанных Монголией в 1912 и 1915 гг., в частности, в фундаментальных сводках по Монголии, изданных в СССР и РФ. В советское время текст соглашения и протокола 1912 г. был впервые напечатан в 1927 г. без указания, кто их подписал [Гримм, 1927, с. 181–183], затем — лишь в 1952 г. с указанием подписавших [Сборник..., 1952, с. 410–417]. Однако в известных сборниках 1926 и 1940 гг., где приведен ряд сопутствующих документов, сам текст соглашения 1912 г. почему-то не напечатан [Красный архив, 1926; Международные отношения..., 1940].

В издании фундаментальной сводки «История МНР» 1954 г. о статусе Монголии сказано лишь, что соглашением 1912 г. Россия не признала ее независимым государством и обещала помощь в сохранении автономии, а Китайско-Русско-Монгольское соглашение 1915 г. оставило ее в составе Китая и превратило в автономную Монголию [История МНР, 1954, с. 208, 213]. В издании 1967 г. уже говорится, что соглашением 1912 г. Россия «фактически признала существование Монгольского государства», но при этом «монгольское феодально-теократическое государство, провозгласившее свою независимость в результате национально-освободительного движения монгольского народа 1911–1912 гг., существовало как таковое до 1915 г., и лишь после того оно фактически и юридически превратилось в автономную Внешнюю Монголию. Однако автономная Внешняя Монголия продолжала функционировать как государство, пользовавшееся широкими автономными правами и находившееся в вассальной зависимости от Китая» [История МНР, 1967, с. 242, 249–250]. В издании 1983 г. говорится: в 1912 г. «стороны сошлись на том, что в тексте договора политическая независимость Монгольского государства будет сформулирована по-разному в обоих текстах договора: в монгольском — как «полная независимость», а в русском — как «автономия»; соглашение 1915 г. свело положение Монгольского государства к уровню «автономии Внешней Монголии» [История МНР, 1983, с. 269, 276]. Наконец, в издании 2007 г. указано, что в соглашении 1912 г. «допускалась возможность по-разному интерпретировать отдельные термины», причем термину «автономный строй» из русского варианта в монгольском соответствовали термины, приблизительно переводимые как «самоопределение» и «самодержавие»; по сути, она стала суверенным государством — вначале в пределах Халхи, а затем и Кобдоского округа; в результате соглашения 1915 г. Внешняя Монголия стала «автономией в составе Китая и одновременно российским протекторатом» [История Монголии, 2007, с. 39–40, 43]. Это определение согласуется с тем, что писал официальный представитель МИД России Б. Э. Нольде в 1915 г.: «Внешняя Монголия представляет собою государство под сюзеренитетом Китая и под протекторатом России» [Нольде, 1915, с. 2231].

В Китае до сих пор считают, что национально-освободительное движение монголов было инспирировано Россией, которая хотела сделать Монголию своей колонией [Liu, 2005, p. 80–84], что неверно: Россия никогда не собиралась присоединять Монголию [Коростовец, 2004, с. 44]. Китайские авторы допускают и другие неточности: что территория МНР раньше была территорией Китая, что она стала независимой от Китая 14 августа 1945 г. [Лю Сунбинь и др., 2016, с. 263].

В целом для публикаций в Китае характерна убежденность, что вся ответственность за ситуацию, сложившуюся в Монголии к 1911 г., лежит на царской «военно-феодальной» России, «империалистические устремления» которой толкали ее на провокации с целью отрыва Монголии от «миролюбивого» Китая; подчеркивается «единоличная деятельность России по отделению Внешней Монголии от Китая», ставшая «темным пятном в истории двусторонних связей». Независимость Монголии трактуется как долгосрочная цель политики Петербурга. Общей чертой китайских работ является недостаточно глубокое освещение внутренних причин «монгольского сепаратизма», отсутствие анализа социально-экономического и политического положения Монголии в цинский период, политики пекинского правительства как факторов, влиявших на развитие Монголии. Не проводилось подробное изучение причин тяготения монголов к России в 1900–1910-х гг., борьбы и дискуссий среди монгольской элиты по внешнеполитической ориентации. Основной причиной национально-освободительного движения монголов китайские авторы склонны видеть политическую активность России. Особенность китайских публикаций по монгольской проблематике начала 2000-х гг. — довольно краткая историографическая часть, в рамках которой практически незаметна проработка российской и монгольской историографии [Сизова, 2016, с. 22–25].

Приведенные различия показывают отсутствие консенсуса в отношении динамики международно-правового статуса Монголии в тот период. По-видимому, это связано не только с разными оценками рассматриваемого соглашения в разных странах и социально-политическими изменениями в XX–XXI вв., но и с отсутствием детального исследования этого вопроса. Данная статья представляет попытку анализа международно-правового положения Монголии до и после подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г. Фактологическую основу для этого анализа составили, прежде всего, российские и монгольские архивные документы, их публикации, отзывы участников переговоров и подписания соглашения, оценки современников, научная литература.

К началу XX в. Монголия находилась в вассальной зависимости от императоров маньчжурского государства Цин. Распространено мнение, что в тот период она была частью «цинского Китая». Однако в понимании самих монголов это были отношения не с Китаем, а с маньчжурским государством Цин (монг. Манж Чин улс). Эта национальная традиция отражает историческую правду: Китай, покоренный маньчжурами, в тот период был частью Цинской империи, а не независимым государством [Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17]. В составе империи Цин он был децентрализован — каждая провинция управлялась по отдельности. Монголия под маньчжурской властью тоже была не единым целым, а совокупностью владений. Известно, что маньчжурские императоры способствовали феодальной раздробленности Монголии, которая возникла еще до установления там их власти. Однако статус Монголии был другим, чем у Китая. Большинство монгольских земель были вассальными территориями маньчжурской династии, меньшая часть была включена в цинские провинции. За исключением последних, там было не прямое управление, как для китайских земель, а отношения «вассал — сюзерен». Эти отношения были подобны таковым в ряде других монархий, например, в средневековой Европе

[Кузьмин, 2019, с. 39–54]. В отличие от Китая, отношения Монголии и Тибета с цинскими императорами регулировались «Уложением Палаты внешних сношений», или «Палаты по управлению внешними регионами» (Лифаньюань). Эти страны рассматривались там как «области вне Китая», имевшие отдельное законодательство [Липовцов, 1828]. Там были гарантии сохранения традиционного образа жизни местного населения и недопущения колонизации его земель китайцами. Это было одним из главных условий вассальной зависимости монголов от маньчжурских императоров.

Со второй половины XIX в. империя Цин стала погружаться в кризис. Это был период ее перехода от даннической к договорной системе международных отношений. Опасаясь экспансии великих держав, цинские власти приняли «новую политику» на «пограничных землях». Ее главной чертой было заселение китайцами Маньчжурии, Монголии и Тибета — то есть тех земель, которые раньше никогда не были китайскими. Главной целью стала их китайская колонизация и китаизация местного населения. Были созданы специальные структуры по продаже монгольских земель. Туда хлынули сотни тысяч китайских колонистов из внутренних районов Китая. Уже в самом начале XX в. во Внутренней Монголии китайцы по численности превосходили монголов. «Новая политика» нарушала те основы, на которых монголы подчинялись цинским императорам. В Монголии ширилось национально-освободительное движение.

В сентябре–октябре 1911 г. произошло Учанское восстание. Оно стало началом Синьхайской революции. Это была революция китайских (ханьских) националистов за свержение маньчжурской династии и установление республики. Синьхайская революция была чужда монголам, стремившимся к независимости и имевшим на нее не меньше прав, чем китайцы. 1 декабря 1911 г. в столице Внешней Монголии — Их-хурэ было обнародовано воззвание с объявлением независимости. В нем говорилось, что на землях маньчжуров и китайцев происходит переворот, а Монголия изначально была независимой и поэтому решено образовать независимое монгольское государство [Батсайхан, 2018, с. 77]. 29 декабря 1911 г. в Их-хурэ (переименован в Нийслэл-хурэ) прошла торжественная церемония возведения духовного главы этой страны Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII на престол великого хана (Богдо-хана) Монголии. С точки зрения правовых обычаев монголов, сложившихся к тому времени, это было легитимное возведение нового великого хана — то есть императора. Так же, как в XVII в. монголы провозгласили своим Богдо-ханом маньчжурского хана Хунтайджи (Абахая), теперь они интронизировали нового Богдо-хана. Монголы следовали своей старой традиции преемственности высшей власти. На этот раз «перенос империи» произошел от маньчжуров обратно к монголам [Кузьмин, 2016, с. 432–433].

Итак, в декабре 1911 г. Монголия провозгласила независимость как абсолютная теократическая монархия. С точки зрения формационного подхода к истории это не было революцией: монголы стремились сохранить старый (феодальный, монархический) строй. Феодализм и буддийская монархия, а не революция и республика были национальным выбором монголов.

В феврале 1912 г. Синьхайская революция победила. Была провозглашена Китайская республика. Наряду с отречением маньчжурской династии и коллапсом империи Цин это дало монголам новое основание для их независимости. Монголы так же провозгласили свое национальное государство в 1911 г., как в 1912 г. ханьские националисты провозгласили Китайскую республику — фактически свое национальное государство — на волне борьбы с иноземной властью. Следовательно, движение монголов за свою независимость было не менее легитимным, чем движение китайцев. При этом монголы были не против власти императоров Айсинь Гйоро как таковой, а против поглощения Монголии Китаем, начало которому положила «новая

политика», нарушавшая те условия, на основе которых монголы подчинялись маньчжурской династии.

12 февраля 1912 г. цинская вдовствующая императрица Лунгьюй издала от имени малолетнего императора Пу И указ об отречении маньчжурской династии и превращении империи Цин в «республику пяти рас». Сделано это было по настоянию Юань Шикая, который сам хотел стать основателем новой династии — на этот раз китайской (ханьской). В указе, в частности, было сказано: «Приветствуем образование великой Китайской республики, которая включает все территории, где живут пять этнических групп, то есть маньчжуры, ханьцы, монголы, мусульмане и тибетцы» [цит. по: Zhao, 2006, p. 16]. Таким образом, императорская династия была отстранена от власти регентом, а не императором. Согласно китайскому и цинскому праву, функции регента ограничены временным управлением империей до вступления во власть императора по достижении им совершеннолетия. Верховная власть императора оставалась неоспоримой: регент не имел права ликвидировать монархию. Так что данный указ трудно считать легитимным. Следовательно, и включение в Китайскую республику Монголии и Тибета на основе этого указа не было легитимно.

Кроме того, «в минуту провозглашения Монголией своей независимости у Китая, собственно, уже не существовало никакого законного правительства, с которым мы были бы обязаны считаться хотя бы в уважение международного права. Ведь в стране сынов Неба уже властвовали какие-то узурпаторы, какие-то бунтари, которым если и могли подчиняться народные массы собственно китайцев, то до которых не было никакого дела монголам — народу, совершенно чуждому китайцам по своему происхождению и по своей истории, народу, подчинившемуся династии Дайцинов вследствие того, что при его содействии эти самые Дайцины завоевали и поработили Китай. Монголы вместе с маньчжурами могли составлять привилегированный класс завоевателей в Небесной империи, а никоим образом не эксплуатируемых китайцами париев. Раз только Дайцины допустили окитаивание маньчжур, и последние сему не сопротивлялись, то это еще вовсе не означало, что могло начаться и окитаивание монголов; наоборот, раз только Дайцины, создавшие Небесную империю при помощи монголов как вооруженной силы, оказались сами поработены китайцами, то они уже тем самым теряли свои права на суверенитет над Монголией» [Кушелев, 1912, с. 85–86].

Указ об отречении маньчжурской династии не стал легальной основой Китайской республики. В ее первых конституционных установлениях 1912–1914 гг. нет ссылок на него [тексты: Weale, 1918, p. 299–350]. Нет таких ссылок и в конституциях Китайской республики и КНР. Однако, приняв на себя договорные обязательства империи Цин перед иностранными державами, китайские республиканцы продемонстрировали правопреемство Китайской республики от империи Цин в отношении международных договоров: без этого республика не была бы признана великими державами того времени. Но историческая преемственность государства не ограничивается международными договорами. Китайская республика отбросила в основном те черты, которые отличали империю Цин от Китая, в том числе разные формы легитимации центральной власти для разных народов и запрет китайской колонизации монгольских и тибетских земель. Однако китайские республиканцы предъявили нелегитимные претензии на все «территориальное наследие» империи Цин — в том числе на Монголию, Туву, Тибет и Восточный Туркестан, в Китай никогда не входившие. Для этого они разработали концепцию «пяти рас» Китая, несостоятельную с научной точки зрения. Однако Пекину удалось захватить почти все эти территории — благодаря удачной для китайских националистов внешнеполитической конъюнктуре, а также и ошибочному отождествлению державами империи Цин с Китаем.

«Республика пяти рас» была новым политическим конструктом, использовавшимся для подавления законных национальных стремлений бывших «пограничных народов» империи Цин, желавших самоопределения от ханьского господства [Leibold, 2006, p. 188–191]. Монголы и тибетцы не участвовали ни в Синьхайской революции, ни в выработке доктрины «китайской нации». Они не считали свои земли Китаем, а себя — одной из его «пяти рас». Несмотря на декларации о всеобщем равенстве, «национальные меньшинства Китая» фактически были изначально отстранены от процесса государственного строительства. При формальном равенстве перед законами граждан «пяти рас» эти законы писались и пишутся ханьцами, причем так, чтобы способствовать ассимиляции «национальных меньшинств». В этом можно увидеть преемственность от цинской «новой политики». В результате с провозглашением Китайской республики национально-освободительное движение монголов не прекратилось. 8 апреля 1912 г. китайский президент Юань Шикай издал декрет об отмене статуса Монголии, Тибета и Восточного Туркестана как вассальных территорий, они были приравнены к китайским провинциям, а жители объявлены гражданами Китая. Это стало новым стимулом в национально-освободительной борьбе монголов.

В России знали о положении в Монголии. В ходе особого совещания 17 августа 1911 г. по вопросу о выборе ориентации в монгольской политике верх одержало мнение министра иностранных дел С. Д. Сазонова и были приняты следующие решения: не выступать активно в монгольском вопросе, не принимать на себя обязательств отстаивать отделение Монголии силой оружия, выступить посредником между Монголией и Пекином, поддерживать стремление монголов сохранить свою самобытность дипломатическим путем, не порывая связи с союзником, заявлять о противоречии преобразований во Внешней Монголии с китайскими заявлениями о дружбе с Россией [Лузянин, 2003, с. 54]. Эти решения готовили будущую монгольскую политику России.

После объявления независимости Монголии правительство России, не одобряя проведения там «новой политики», пыталось выступить посредником в переговорах между монгольскими и цинскими властями. Предлагалось установить автономный статус Монголии, отказаться от ее китайской колонизации и ввода китайских войск. Уже 23 декабря 1911 г. С. Д. Сазонов дал указание российскому поверенному в делах в Пекине М. С. Щекину проинформировать цинскую сторону о предложении посредничества России на этих условиях. Но попытки посредничества были неудачными из-за желания Пекина напрямую договориться с монголами [Белов, 1994, с. 108–111]. Более того: в Пекине и в ряде стран Запада российские предложения трактовали как признание Россией независимости Монголии, ее захват или поглощение для создания «царского доминиона» или зависимой страны [например, The Sun, 09.01.1912; New York Herald, 11.01.1912; Washington Herald, 11.01.1912; Fort Mill Times, 11.01.1912]. В Японии имелось положительное восприятие российского подхода к монгольскому вопросу [New York Herald, 15.01.1912], но четкой позиции на этот счет не было.

В таких условиях монголам оставалось рассчитывать только на Российскую империю, а России — начать прямые переговоры с Монголией. В России взгляды на будущее Монголии варьировали от ее независимости до принадлежности к Китаю. Основой решения вопроса стали итоги межведомственного совещания 23 апреля/6 мая, 1/14 мая и 5/18 мая² 1912 г., в основном изложенные в особом журнале российского Совета Министров 2/15 августа 1912 г. по вопросу о соглашении с Джебцундамба-хутухтой и князьями Монголии [текст: Международные отношения..., 1940, с. 6–11].

² Здесь и ниже: даты по старому и новому стилям.

Позиция российского правительства определялась так: «Признанное Императорским Правительством желательным решение вопроса о судьбе Внешней Монголии сводится к созданию из нее области Китая, особое положение которой в составе этого государства было бы гарантировано Россией. В сообщении касательно нашей иностранной политики, которое с Высочайшего разрешения было сделано МИД в Государственной Думе в ее заседании 13 апреля [по старому стилю — С. К.] 1912 г., задачи, преследуемые в северной Монголии, были охарактеризованы как стремление не допустить утверждение в этой пограничной с нами области Китая сильного в военном отношении государства. Для достижения этой цели в том же сообщении были наметены три условия: сохранить в Халхе управление национальными властями, не допустить ввода в эту область китайских вооруженных сил и колонизации ее земель китайцами-земледельцами. Наконец, чтобы обеспечить соблюдение этих условий, была выдвинута необходимость получить для Императорского Правительства права голоса при установлении и проведении в жизнь тех мер, которые потребуются в будущем для Халхи. <...> [Решение вопроса надо искать] в подписании между Россией и Халхой акта о гарантиях вольностей последней. Общее содержание такого акта свелось бы к обещанию Русского Правительства при всяких обстоятельствах отстоять самобытный строй Халхи, то есть ее право управлять национальными властями и не допускать ввода китайских войск и земледельческой колонизации китайцев. <...> Относительно Внутренней Монголии надо высказаться категорически против ее стремления присоединиться к Халхе: это может очень неблагоприятно отразиться на российско-японских отношениях. Барга тесно связана с Северной Маньчжурией и ей надо бы разделить судьбу последней. <...> Иначе обстоит дело с Кобдинско-Алтайским краем: присоединение его к коренной Монголии вообще, по-видимому, соответствует нашим интересам, так как в географическом, экономическом и частью этнографическом отношениях он составляет естественное продолжение Халхи и примыкает к нашей границе, представляя естественный заслон от Китая. Однако весьма разнородное население края, в котором киргизский элемент занимает большое место, не сумело, именно благодаря своей разнородности, свергнуть китайское владычество, по крайней мере, в главных городах, и китайцы принимают уже меры к усилению своего там положения. Нет оснований, кроме того, утверждать, что в случае отпадения от Китая округа эти единожды присоединятся к Халхе. <...> соображения государственной пользы должны получить перевес и нам следует добиваться для Западной Монголии тех же прав, что и для Халхи, было бы лишь желательно не предрешать вопрос о соединении этих двух областей и не включать упоминания о Кобдинском и Алтайском округах в договор с Монголией» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 44–51об.].

На основе этого 2/15 августа 1912 г. российский Совет Министров постановил одобрить предложенные основания для заключения договора с Джебцундамба-хутухтой и князьями Халхи [Международные отношения..., 1940, с. 6–11]. Специальным представителем России в Урге был назначен И. Я. Коростовец. Рекомендовавший его Николаю II Сазонов отмечал опытность Коростовца как дипломата, а также его будущий статус особого посланца правительства, который будет иметь больше авторитета в Монголии, чем российский генеральный консул [Международные отношения..., 1940, с. 134]. В инструкции Сазонова Коростовцу 23 августа 1912 г. указывалось, что задачей политики России в Халхе является «стремление не допустить утверждения в этой пограничной области сильного в военном отношении государства». Для достижения этой цели наметены три условия: «1) сохранение в Халхе управления национальными властями, 2) недопущение ввода туда китайских войск, и 3) устранение колонизации монгольских земель китайцами» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 1].

И. Я. Коростовец вступил в переговоры с представителями правительства Богдо-хана. Переговоры были долгими и сложными, прежде всего, по вопросу о статусе Монголии. В дневнике Коростовца имеются важные сведения об их ходе [Коростовец, 1995, с. 85–211; Коростовец, 2009, с. 53–159]. Монархи обеих стран следили за ходом переговоров. МИД России информировал об этом Николая II, монгольские представители — Богдо-хана. Сохранилось несколько российских проектов будущего договора или соглашения с правками [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 63–63об., 66–68об., 84–84об., 98–100об.; ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 200–203об.; проект соглашения и протокола от 11 октября 1912 г.: Сборник дипломатических..., 1914, с. 11–17]. Примечательно, что в первом проекте рассматриваемый документ обозначался как «договор», но уже во втором (август 1912 г.) слово «договор» зачеркнуто и над ним написано «соглашение» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 83–83об.].

Монголы предложили свой вариант договора (в монгольском тексте остался именно этот термин) и протокола к нему. Сохранились русские переводы этих документов [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 566, л. 107–111об.]. Главные отличия монгольского проекта от русского следующие. В монгольской преамбуле говорилось: «Весь монгольский народ отделился от Цинской империи и образовал свое государство и не подчинен как Китаю, так и другим державам»; ст. 1: «Все монгольские хошуны внутренние и внешние, урянхайцы, баргут-солоны, олеты, чахары, тумэты и другие все монгольские племена образовали навсегда свое самостоятельное государство и возвели в государи монгольского народа главу Желтой веры Монголии халхаского Джебцундамба-ламу и вручили ему управление государством и религией... Монгольское государство является не подчиненным как Китайскому государству, так и другим... Правительство государя императора великой Российской державы первым признает сие» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 566, л. 107–108]. Кроме того, монголы вначале не сочли нужным включать в соглашение положения о российских гарантиях управления национальными властями и князьями и недопущения китайской колонизации: монголы сочли это своим внутренним делом, не требующим российских гарантий. Текст протокола подвергся меньшим изменениям, чем текст основного соглашения [Международные отношения..., 1940, с. 469–472].

При согласовании текста договора возникли разногласия о титулатуре монарха Монголии и обозначении страны. Коростовец телеграфировал Сазонову: «Монголы настаивали на признании нами за Хутухтой в соглашении присвоенного ему титула «Эцэн-хан» — «Самодержавный Государь Монгольского народа», что я признавал бы допустимым, при условии исключения в русском тексте перевода этого титула, никому неизвестного». Кроме того, монголы хотели заменить в соглашении слова «Внешняя Монголия» на «Монголия» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 175].

Сазонов ответил 3 октября: «1. Замена слов «Внешняя Монголия» словом «Монголия» допустима, так как этим не предполагается территориальный объем соглашения и в глазах китайцев это будет служить угрозой распространения действия соглашения на другие монгольские области, которые присоединятся к Халхе. Необходимо лишь, чтобы Вы оговорили, хотя бы в форме обмена нот или даже односторонней декларации, что Императорское Правительство оставляет за собою право определить, на какие области, кроме самой Халхи, оно распространяет даваемые Монгольскому Правительству гарантии автономных прав. 2. Присвоение Хутухте титула “Эцэн-хан” в монгольском тексте не встречает возражений, но в русском тексте этот титул должен быть исключен или переведен так, чтобы исключить понятие о полной самостоятельности от Китая. <...> Китайская колонизация, если бы она была когда-либо допущена в Халхе, весьма скоро привела бы к ее полному окитаению. Постоянное представительство монголов в Петербурге

нежелательно» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 100а, л. 5–7, д. 658, л. 176–179, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 122]. 11/25 октября Коростовец телеграфировал Сазонову: «В соглашении с полученным указанием, титул Хутухты “Эцэн-хан” передан в русском тексте неопределенным термином “повелитель”» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 184].

Дискуссии о титуле монгольского монарха были связаны с тем, что монгольский титул означал самодержавного монарха, то есть императора — царя, а российская сторона не соглашалась с этим. Однако в монгольском тексте соглашения сохранился титул «великий хан Монгольского государства» (Монгол улсын хаан эзэн).

Судя по пометке на третьем проекте соглашения, с ним ознакомился Николай II. Из этого проекта была вычеркнута статья 4: «Российское Правительство назначает в Ургу на постоянное пребывание своего представителя в ранге Министра-Резидента. Со своей стороны, Повелитель Монголии и Монгольское Правительство могут в случае надобности посылать в столицу России своего Посланника» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 95–97]. 29 сентября 1912 г. Сазонов телеграфировал Коростовцу: «Из предложенных монголами дополнений к соглашению мы могли бы в крайности согласиться лишь на повышение ранга нашего представителя в Урге, присвоив ему, например, наименование дипломатического агента. Представительство же Халхи в России нежелательно, разве в виде специальных посольств, первое из которых могло бы прибыть в Петербург тотчас по подписании соглашения» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 8]. Это и было реализовано.

Важным предметом дискуссий был вопрос о положении Монголии относительно Китая. По словам Коростовца, «в пожеланиях и притязаниях монгол замечается прежде всего стремление подтвердить с Россией независимость Монголии и ее отделение от Китая» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 3]. В уже упомянутой телеграмме от 29 сентября Сазонов писал, что в связи с «большими трудностями» Россия не возьмет на себя обязательство силой отстаивать притязания монголов на создание самостоятельного государства в пределах Внешней и Внутренней Монголии. «Вместе с тем, мы не возьмем на себя убеждать монголов в невозможности в будущем их объединения и самостоятельного государственного бытия... представив будущему решить, как далеко пойдет в своем развитии самостоятельность Монголии» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 7–8].

11 октября Коростовец телеграфировал Сазонову проект, согласованный с монгольскими уполномоченными. Этот проект соглашения Сазонов счел неприемлемым (телеграмма от 14 октября), как создававший «из Монголии независимое от Китая Государство под некоторым протекторатом России в деле внешних сношений». Сазонов прислал изменения в текст [Сборник дипломатических..., 1914, с. 11–18], делавшие его менее конкретным. В данной телеграмме Сазонов разъяснял Коростовцу: «Ввиду обещаемой нами поддержки к сохранению автономного строя Монголии китайский суверенитет явится лишь юридической фикцией, необходимой при настоящем положении вещей. Окрепши, монголы могут, при нашем благожелательном к ним отношении, окончательно порвать в будущем зависимость от Китая, как это сделала Россия по отношению татар и христианские народы, некогда подвластные Турции» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 198–198об.]³. Эти и менее значительные поправки были согласованы к 18/31 октября [Сборник дипломатических..., 1914, с. 18–22].

Важно отметить, что в переговорах с Россией монголы использовали перевод с китайского на монгольский язык книги Г. Уитона «Элементы международного права» (H. Wheaton.

³ Последняя фраза не приведена в официальной публикации текста данной телеграммы в 1914 г. [Сборник дипломатических..., 1914, с. 18].

Elements of International Law) и оперировали рядом терминов из этого перевода [Тачибана, 2011, с. 139–155]. Следовательно, переговоры они вели на основе международного права. В то время оно называлось правом «цивилизованных народов», отношения между которыми строятся на его основе, в то время как отношения «цивилизованных народов» с «нецивилизованными» строятся на основе естественного права [Oppenheim, 1905, р. 179–180]. Таким образом, отношения России с независимой Монголией стали строиться на основе международного права с самых первых официальных переговоров между ними.

В целом позиция монголов была в основном учтена при подписании соглашения — за исключением их желания обозначить в его русском варианте независимость от Китая, воссоединиться с Баргой и Внутренней Монголией. Российская сторона в принципе не отвергала идею независимости Монголии, но на том историческом этапе предпочитала не декларировать это открыто, чтобы не осложнять свои отношения с Китаем и державами.

21 октября/3 ноября 1912 г. в Нийслэл-хурэ (Урге) было подписано Русско-Монгольское соглашение (так в русском тексте) или договор (гэрээ — так в монгольском тексте). Данное терминологическое различие не влияет на статус документа с точки зрения международного права. С российской стороны документ подписал уполномоченный российского правительства в Урге Коростовец, с монгольской — председатель Совета Министров Сайн-нойон-хан Намнансурэн, министр внутренних дел да-лама Цэрэнчимэд, министр иностранных дел чин-ван Ханддорж, военный министр жун-ван Гомбосурэн, министр финансов жун-ван Чагдаржав, министр юстиции жун-ван Намсарай.

О соглашении было сообщено официально [Правительственное сообщение..., 1912, с. 46–48; Новое время, 27.10.1912]. В цитированном правительственном сообщении по поводу подписания говорилось: «Русско-Монгольское соглашение 21 октября 1912 года является актом признания автономного монгольского правительства, с которым отныне российское правительство устанавливает непосредственные сношения». Это означало установление дипломатических отношений между Россией и Монголией (подробнее см.: [Кузьмин, 2022, с. 52–65]).

Подписание соглашения было положительно воспринято обеими сторонами. МИД России направил Николаю II донесение об обстоятельствах подписания. В частности, там говорилось, что монголы требовали полной независимости своего государства, а китайцы с помощью денег пытались перетянуть их на свою сторону, Коростовец успешно преодолел эти трудности, соглашение подписано, Коростовец заслуживает благодарности. Сохранилась резолюция: «На подлинной Собственной Его Императорского Величества рукою начертано: “Хорошо”. Царское Село, 14 ноября 1912 г.» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 41–41об.]. В тот же день Сазонов телеграфировал Коростовцу в Ургу: «На всеподданнейшем докладе моем об обстоятельствах, при коих Вами заключено соглашение 21 октября с Монгольским Правительством, Гос[ударю] Императору благоугодно было начертать: “Выражаю Мою благодарность Коростовцу”. Поздравляю Вас с этим знаком Монаршей милости» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 50].

Сохранилась следующая телеграмма Коростовца: «Императорский телеграф в Царском-сельском дворце. Телеграмма № 159 «46» слов. Подана в Урге 19 1912 г., 6 ч. 40 м. по пн. Получена в Царском Селе 7 декабря 1912 г. 10 ч. 33 м по пн. Его Императорскому Величеству. Представители возрожденной милостями Вашего Императорского Величества к новой жизни Монголии в лице князей и чинов нашего военного и гражданского ведомств, собравшись в Императорском Консульстве, просят меня повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества чувства благоговейной признательности и беспредельной преданности. Действительный статский

советник Коростовец». На телеграмме Николай II начертил синим карандашом: «Искренно благодарю» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 140, оригинал с собственноручной надписью царя].

В монгольском журнале «Шинэ толи хэмээх бичиг» (1913, № 1, с. 33–34) с публикацией полного текста соглашения 1912 г. были даны комментарии, в которых отмечалось, что общим явлением является образование нового государства при наличии территории, единого языка, происхождения, исторической традиции и религии; причина провозглашения суверенного Монгольского государства — стремление не потерять свои исконные земли, уберечь народ, язык, традиции, культуру, не дать погаснуть буддизму, не быть под гнетом других народов, самим решать свою судьбу, возродить государственность [Заятуев, 1986, с. 33–40].

Соглашение было выработано и подписано без участия Китая. Оно, в частности, декларировало помощь России в сохранении автономного строя в Монголии, право содержать национальное войско, не допускать китайские войска и колонизацию. В случае подписания отдельного договора «с Китаем или другим иностранным государством» этот договор не должен был нарушать данное соглашение без согласия России.

Хотя перед подписанием русский и монгольский тексты соглашения были сличены и зачитаны [Коростовец, 2004, с. 233], они имеют некоторые существенные различия.

Русский и монгольский тексты преамбулы допускали разные трактовки. Русский текст: «Ввиду всенародно выраженного желания монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны, китайские войска и власти были удалены с монгольской территории и Повелителем монгольского народа был провозглашен Чжебзун-Дамба-Хутухта. Прежние отношения Монголии к Китаю таким образом прекратились». С монгольского текста возможен и следующий перевод этого положения: «Ввиду всенародно выраженного желания монголов сохранить свои издревле сложившиеся обычаи и строй, китайские войска и власти были удалены с монгольской территории, великим ханом Монгольского государства был провозглашен Джебцундамба-хутухта, поэтому были разорваны прежние отношения Монголии и Китая» («Монгол улсын нийт бүхнээр эртнээс тогтсоор ирсэн өөрийнхүү орны сургаал ба ёс журмыг алдагдахгүй сахихыг хүсэж Хятадын цэрэг ба эрх баригчдыг Монгол газраас үлдэн гаргаад, Жавзандамба хутагтыг Монгол Улсын хаан эзэнд өргөмжилсөн тул Монгол Хятад хоёрын хоорондох урьдын холбоо нь нэгэнт тасарсан»).

Так или иначе, и русский, и монгольский варианты однозначно признавали, что Монголия больше не связана с Китаем отношениями, существовавшими ранее — ни как вассальная территория Цин, ни как провинция Китайской республики по указу Юань Шикая.

В русском варианте соглашения использовался термин «Монголия», в монгольском — «Монгол улс» (государство Монголия). Последнее означало признание государственности страны. Общественный строй Монголии в русском тексте обозначается как «автономный», а в монгольском ему соответствует термин, который переводится также как «самоопределение» и «самостоятельность» (өөртөө тогтнож өөрө эзэрхэх) (ст. 1). Эти же термины, кстати, позже использовались для обозначения именно независимости в монгольском тексте Монголо-Тибетского договора 1913 г. (өөртөө эзэрхэн — ст. 1, өөртөө тогтнон — ст. 2).

Данный факт (хотя и с ошибочной трактовкой автономии) был отмечен еще в 1912 г. в анонимной газетной статье: «Ханское правительство настаивало на принципе независимости. По-монгольски государство бывает или вполне независимое, или же подвластное (вассальное). В результате получилось то, что в русском тексте договора Монголия названа автономной

(по отношению к России), а в монгольском — независимой. Это разногласие может привести к серьезным недоразумениям впоследствии» (Восток, 23.11.1912).

Дело в том, что в то время в монгольском языке не было современного оборота «тусгаар тогтнол» для обозначения понятия «независимость», и для него использовались указанные выше обороты [Тачибана, 2013, с. 94–102]. Эти обороты для обозначения независимости монголы в 1912 г. взяли из монгольского перевода с китайского перевода уже упоминавшейся книги Г. Уитона (в кит. переводе называвшейся Ваньго гунфа). Монгольские обороты для обозначения независимости были переводом с китайского оборота «цзыли цзычжу», в свою очередь, являвшегося переводом на китайский слов *free, sovereign, independent* — свободный, суверенный, независимый [Тачибана, 2019, с. 124–125].

18 октября 1912 г. Сазонов телеграфировал Коростовцу, что «русский текст соглашения и протокола должен быть руководящим» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 211–211об.]. Однако Коростовец 19 октября ответил на это: «Предвижу, что прибавка о руководящем русском тексте вызовет возражения и подозрения ввиду отсутствия среди здешних монголов лиц, знающих русский язык и неизбежности доверять переводчику». Кроме того, Коростовец отметил интенсивные попытки Китая убедить монгольских князей не подписывать соглашение. Поэтому он советовал ускорить подписание [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 93; ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 216].

В связи с этим Сазонов телеграфировал Коростовцу 20 октября: «Телеграмма № 1813 получена. Не встречается препятствий, чтобы Вы опустили в соглашении упоминание о руководящем характере русского текста, если Вы увидите, что таким постановлением было бы затруднено подписание соглашения. Разделяем Ваше мнение о желательности его немедленного заключения. В сущности, сделать руководящим русский текст важно главным образом для протокола, если это достижимо. Не зная, какие изменения в соглашение Вы предполагаете сделать в пользу монголов, обращаем Ваше внимание на то, что такими изменениями не должен быть нарушен его характер акта, не обязывающего нас признавать полное отложение Монголии от Китая» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 95; ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 218]. 22 октября 1912 г. Коростовец телеграфировал Сазонову: «Протокол подписан в редакции, одобренной Императорским Министерством с опущением статьи о русском тексте» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 220]. Нет статьи о приоритете и в тексте соглашения.

Итак, несмотря на различия, русский и монгольский тексты имеют равную юридическую силу: приоритет какого-либо из них не зафиксирован международно-правовым актом. В понимании МИД России «Монголия была признана... в качестве политической единицы, но степень ее независимости была определена формулой весьма гибкой» — то есть недостаточной, чтобы «наполнить собой полный круг государственной самостоятельности» [Нольде, 1915, с. 2159]. Вместе с тем по международному праву того времени «сомнительное постановление должно быть интерпретируемо в смысле наименее отяготительном для обязанной стороны» [Мартенс, 1882, с. 413]. Следовательно, монголы обоснованно трактовали соглашение 1912 г. как признание своего независимого государства. Примечательно, что подписавший соглашение Коростовец приватно заявлял о признании независимости Монголии [Коростовец, 2009, с. 198], хотя в официальной переписке подтверждал автономию. Поскольку Россия всегда озвучивала свою официальную позицию, а иностранные переводы делались с русского, а не с монгольского варианта соглашения, в историографии преобладает обозначение автономии, а не независимости, хотя последний термин вскоре после подписания соглашения нередко использовался в западной прессе для обозначения статуса Монголии [например, Evening Star, 18.11.1912],

а ее «автономный режим» называли эвфемизмом для обозначения зависимости от России [New York Tribune, 23.11.1912].

Коростовец отмечал, что во время переговоров Сазонов в телеграмме указал, «чтобы в русском тексте не было упомянуто о независимости Монголии от Китая» [Коростовец, 2009, с. 123]. Это позволяло российской стороне ссылаться на русский текст, где речь шла об автономии, избегая конфронтации с Китаем. Монголы же ссылались на монгольский текст, говоря о независимости.

Однако Монгольское государство, провозглашенное в 1911 г., соответствовало всем главным критериям независимого государства, позже обозначенным в Конвенции Монтевидео 1933 г. и используемым до сих пор: постоянное население, определенная территория, правительство и способность входить в сношения с другими государствами. Сношения по политическим и экономическим вопросам с другими государствами (в лице России) начались еще в 1911 г. Соглашение 1912 г. означало их правовую фиксацию и признание Монголии субъектом международного права.

Важно отметить, что международное признание не создает государство. Существуют две теории государственности в международном праве: декларативная и конститутивная. Согласно первой, для образования государства необходимо и достаточного того, что обозначено в конвенции Монтевидео (см. выше). Согласно конститутивной теории, государство определяется как субъект международного права лишь тогда, когда оно признается суверенным хотя бы одним государством, которое, в свою очередь, уже признано суверенным⁴. В настоящее время общепринятой является декларативная, а не конститутивная теория: «В целом, политическое существование государства не зависит от признания другими государствами, и таким образом непризнанное государство должно считаться субъектом норм международного права» [Shaw, 2008, p. 471]. Согласно ст. 6 Конвенции Монтевидео, «признание государства просто обозначает, что государство, которое признает его, принимает правосубъектность другого со всеми правами и обязанностями, определенными международным правом. Признание является безусловным и не подлежащим отмене».

Перед подписанием соглашения — 18 октября/1 ноября — Коростовец получил телеграмму от Сазонова, в которой предписывалось: «Одновременно с подписанием этих актов [соглашения и протокола — С. К.] благоволите сделать Монгольскому Правительству заявление о том, что Императорское Правительство сохраняет за собою право определить, на какой район Монголии распространяются даваемые гарантии» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 22]. На следующий день после подписания соглашения — 22 октября/4 ноября — Коростовец телеграфировал Сазонову: «Мною сделана следующая декларация: Соглашаясь на замену в тексте подписанных сегодня между Российским и Монгольским Правительствами соглашения и протокола слов “Внешняя Монголия” словом “Монголия”, имею честь заявить, что Императорское Правительство признает за собой право определить, на какие области, кроме самой Халхи, распространяются даваемые Монгольскому Правительству гарантии автономных прав» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 31].

На основе этой декларации Россия заявляла о том, что Внутренняя Монголия и Баргаль не входят в состав Монгольского государства. Однако эта декларация была односторонней.

---

⁴ В связи с этим с точки зрения международного права следует признать нонсенсом термин «частично признанное государство». Государство может быть или признанным (хотя бы одним уже признанным государством), или непризнанным (ни одним государством). Других вариантов нет, так как минимальное число необходимых признаков не зафиксировано в международном праве.

Руководство Монголии до подписания трехстороннего соглашения 1915 г. (см. ниже) продолжало придерживаться своей интеграционистской политики.

Очевидно, не зная об устной декларации Коростовца, некоторые российские авторы выражали мнения, сходные с монгольской трактовкой соглашения. «Еще серьезнее умолчание о географических пределах Ургинского ханства. Как мы уже раньше объясняли, границы владений хана сейчас трудно уловимы, так как Монгольское государство только еще складывается. К нему продолжают присоединяться отпадающие от Китая территории Монголии, в то время как другие территории, уже присоединившиеся было к новому ханству, напротив, возвращаются под власть Китая» [Восток, 23.11.1912]. Барга могла трактоваться как часть Монголии под защитой России [Штейнфельд, 1913, с. 24–25].

Недавно провозглашенную Китайскую республику Россия в то время еще не признала: признание последовало 23 сентября 1913 г. [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 761, д. 234, л. 265]. Следовательно, Монголию как государство Россия на договорной основе признала раньше, чем Китайскую республику. Кроме того, в статье 3 соглашения 1912 г. Китай относительно Монголии обозначался как иностранное государство. В связи с этим, когда 26 октября/8 ноября 1912 г. российский посланник в Пекине В. Н. Крупенский по поручению Сазонова сообщил китайскому министру иностранных дел о заключении данного соглашения, тот заметил, что Китайскую республику Россия еще не признала, а монгольское правительство уже признала, и его правительство не может признать это соглашение [Сборник дипломатических..., 1914, с. 32].

Мнение китайской стороны о статусе Монголии в тот период отражает ответ Вайцзяоу (МИД Китая) от 25 октября/7 ноября 1912 г.: «Монголия является составной частью Китая и, хотя в ней и происходят волнения, она отнюдь не правоспособна заключать соглашений с иностранными государствами» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 32]. Более детально эту идею развивал материал в органе китайских националистов «The Republican Advocate» от 16.11.1912. Там сказано, что соглашение, подписанное в Урге, не имеет никакой юридической силы, если Китай откажется санкционировать его: «Столетиями Монголия и Тибет рассматривались как составные части Китая, и не только самим Китаем, но и всеми остальными государствами. Факт, что Китай перешел к новой форме правления, не повлиял на статус его вассальных владений. Простой местный мятеж немногих князей против китайской власти при содействии России и простое провозглашение независимости этими недовольными князьями не могут быть толкуемы международным правом как автономия *de jure* и *de facto*... Никакая посторонняя держава не имеет ни нравственного, ни формального права вмешиваться в вооруженную борьбу какой бы то ни было другой державы с ее вассалом» [Баранов, 1913, с. 79–80].

Эти выводы о статусе Монголии и о Русско-Монгольском соглашении неверны: Монголия и Тибет никогда не были частями Китая (см. выше); Китай перешел к новой форме правления в том отношении, что перестал быть частью другого государства (империи Цин) и вновь стал независимым, но при этом предъявил претензии на всю территорию этой империи и зависимых от нее стран; Монголия имела не меньше прав на независимость, чем Китай; она правомочно обрела статус независимого государства; поддержка Монголии Россией была легитимной поддержкой одного государства другим.

В связи с отсутствием консенсуса по вопросу о статусе Монголии Китай и Россия вели переговоры. В итоге 23 октября/5 ноября 1913 г. была подписана Русско-Китайская декларация, в которой термин «Монголия» был заменен термином «Внешняя Монголия», признавался суверенитет Китая над ней и автономия Внешней Монголии [текст: Сборник дипломатических..., 1914, с. 87–88; обстоятельства выработки: Белов, 1997, с. 145–154]. В приложенных к соглашению нотах,

в частности, территория Внешней Монголии признавалась частью территории Китая, и указывалось, что границы Внешней Монголии станут предметом последующих переговоров. Хотя ряд положений соглашения 1912 г. вошел в Русско-Китайскую декларацию, монголы ее не признали: она была подписана без их участия, они не хотели отказываться от своей независимости.

Китайцы не оставляли попыток вести секретные переговоры с монголами. Россия вынуждена была приступить к трехсторонним переговорам, которые открылись в Кяхте 8 сентября 1914 г. В результате 25 мая/7 июня 1915 г. было подписано Китайско-Русско-Монгольское соглашение, зафиксировавшее недвусмысленное признание автономии Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая. Оно инкорпорировало ряд положений соглашения 1912 г. и декларации 1913 г. При этом по настоянию китайцев соглашение 1912 г. в нем не было упомянуто, но были даны отсылки на Русско-Китайскую декларацию 1913 г. и ноты к ней. В китайском варианте соглашения 1915 г. для обозначения монгольской автономии использовано слово «цзычжи», как и в Русско-Китайской декларации 1913 г. «Цзычжи» означает самостоятельность: по мнению китайцев, слово «самостоятельность» в монгольском языке равносильно слову «автономия» во французском и не включает «независимость». Поскольку монголы в своем языке вкладывали другое значение в оборот, означающий самостоятельность, решение для монгольской формулировки в соглашении 1915 г. так и не было принято, поэтому за основу был взят термин из имевшего приоритет французского варианта соглашения [Тачибана, 2019, с. 125–127]. В результате в монгольский язык и текст было введено новое слово «автономия».

В соглашении 1915 г., как и в декларации 1913 г., понятие автономии связано с понятием сюзеренитета. Примечательно, что, несмотря на использование Сазоновым термина «суверенитет» до подписания соглашения 1912 г., этот термин не был внесен в последнее, а в декларации 1913 г. и соглашении 1915 г. вместо него использован термин «сюзеренитет». Более того: Сазонов, порекомендовав пропагандировать посланнику в Урге китайский суверенитет над монголами, уже менее чем через две недели — через несколько дней после подписания соглашения 1912 г. — заявил китайскому посланнику в России о готовности признать лишь сюзеренитет Китая [Овчинников, 1926, с. 40].

Согласно международному праву того времени, сюзеренитет означал не то же самое, что суверенитет или сюзеренитет в Средние века. Он означал полноту прав государства за исключением того узкого круга четко обозначенных прав, которые были резервированы за сюзереном⁵. Внешняя Монголия в 1915 г. не потеряла государственность. Она имела полную независимость во внутренних государственных делах и свободу внешних сношений в вопросах торговли и промышленности; с государственно-правовой и международно-правовой точки зрения она являлась государством; ее земля являлась публично-правовой собственностью Монгольского государства [Нольде, 1915, с. 2228–2229]. Китайский сюзеренитет над ней был формальным и лишенным самостоятельного содержания, дополнительным выражением установленной договором связи между ними [Нольде, 1915, с. 2153–2231].

Учитывая статус Б. Э. Нольде (в то время он был директором юридической секции МИД Российской империи), данное разъяснение надо считать официальной российской точкой зрения.

⁵ Доводы Нольде попытается опровергнуть Овчинников [1926, с. 39–43]: на том основании, что в нескольких старых работах сюзеренитет понимается иначе, в общем международном праве эта норма не прописана, а источником права в данном случае являются статьи договора, он счел, что Нольде не выполнил «задачи, где речь шла о систематике истолкованных норм». Данная аргументация Овчинникова не представляется убедительной, поскольку Нольде раскрыл понятие сюзеренитета в тот период на основании сравнения его правоприменения с таковым в других договорах.

Согласно принятым в то время нормам Внешняя Монголия была субъектом международного права, что следует из статей Кяхтинского соглашения 1915 г. Вместе с тем в тот период зарубежные исследователи считали, что Монголия номинально находится под сюзеренитетом Китая, а практически — под протекторатом России и Китая [Williams, 1916 in Nemzer, 1939, p. 453].

В 1919 г. Китай отменил автономию Внешней Монголии и ввел туда войска. Российские белые дипломаты в Китае и Европе заявили протесты, а советская дипломатия молчала. Сазонов (представлявший правительства А. И. Деникина и А. В. Колчака) в Париже подал протест «пяти союзным правительствам» 15 декабря 1919 г. в связи с нарушением русско-китайского соглашения [ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 444, л. 1]. Управляющий колчаковским МИД И. И. Сукин писал, что Россия никогда не примирится с нарушением Китаем его договорных обязательств. Глава российской миссии в Пекине князь Н. А. Кудашев 24 ноября 1919 г. направил протест в МИД Китая, но он был отклонен под тем предлогом, что автономия отменена по просьбе самих монголов [ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 445, л. 14 etc.; Белов, 1999, с. 183–188]. Переговоры Кудашева с английским и французским посланниками в Пекине, а затем Сазонова с представителями США, Великобритании и Франции на Парижской мирной конференции были безрезультатны.

Действия Китая были незаконны по многим причинам, в том числе в связи с отказом Богдо-хана утвердить прошение к китайскому президенту об отмене автономии и в связи с аннулированием «трактатов, касающихся автономии Внешней Монголии» указом китайского президента от 22 ноября 1919 г. [подробнее см.: Нота..., 1920; Кузьмин, 2016, с. 134–145; 2021, с. 76–78]. На такой случай имелись разъяснения Б. Э. Нольде: «Если бы — что, конечно, вне разумного предвидения — почему-либо отпала сила пекинского и кяхтинского актов, то положение Монголии стало бы вновь определяться с формальной точки зрения ургинским политическим договором» [Нольде, 1915, с. 2168]. То есть в результате в силу вновь вступало Русско-Монгольское соглашение 1912 г. Ни соглашения 1912 и 1915 гг., ни декларация 1913 г. не предусматривали ввод во Внешнюю Монголию китайских войск и отмену ее автономии. Следовательно, в 1919 г. статус Монголии изменился с автономного на оккупированное государство.

25 июля 1919 г. Совет народных комиссаров РСФСР в обращении к народу и правительству Китая объявил об отказе от всех тайных договоров. Заявлялось, что народы Китая сами решат, в границах какого государства желают быть [Документы внешней..., 1958]. На следующий день — 26 июля 1919 г. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР заявил в обращении к монгольскому народу: «Рабоче-крестьянское правительство уничтожило все тайные договоры с Японией и Китаем, которыми царское правительство в свое время, под видом автономии Монголии, отняло Монголию у Китая только для того, чтобы разделить ее между собою и Японией <...> Русский народ отказался от всех договоров с японским и китайским правительством относительно Монголии. Монголия есть свободная страна. Русские советники, царские консулы... должны быть выгнаны из Монголии. Вся власть и суд в стране должны принадлежать монгольскому народу. <...> В отмену соглашения 1915 г. Монголия, как независимая страна, имеет право сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина или Петрограда» [АВПРФ, ф. 111, оп. 2, п. 102, д. 25, л. 6 — цит. по: Российско-монгольское..., 2008, с. 106]⁶.

Формально это означало как признание права на самоопределение монголов, так и отмену соглашений Российской империи по Монголии. В тот период в России было двоевластие — белые и красные. Белые продолжали признавать старые соглашения. Следовательно, не приходится говорить об их легитимном аннулировании.

⁶ В пересказе этого документа Юдиным указано соглашение не 1915, а 1913 г. [Юдин, 1936, с. 67].

В 1921 г. барон Р. Ф. Унгерн разгромил иностранных оккупантов и восстановил независимость Монголии. Он подчеркивал, что он восстановил именно автономию Внешней Монголии, что она должна находиться под сюзеренитетом маньчжурского хана. Однако власть этого хана еще предстояло восстановить, а Монголию от китайской власти он уже освободил. Следовательно, Унгерн восстановил независимость, а не автономию Монголии под сюзеренитетом Китайской республики.

После того, как Азиатская конная дивизия Унгерна потерпела поражение от красных войск, пришла к власти Монгольская народная партия, поддерживавшаяся большевиками. 5 ноября 1921 г. было подписано соглашение между РСФСР и Монголией. В нем правительства обеих стран взаимно признавали друг друга единственно законной властью каждой страны; международный статус Монголии не затрагивался. 31 мая 1924 г. было подписано Советско-Китайское соглашение, которое признало Внешнюю Монголию составной частью Китая и его суверенитет над ней. Суверенитет — это не сюзеренитет, а полная власть. Термин «Внешняя Монголия» вновь использован вместо термина «Монголия», который использовался в Советско-Монгольском соглашении 1921 г. Вместе с тем в советско-монгольских отношениях использовалось название МНР. 3 марта 1925 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин, разъясняя позицию советской стороны, заявил, что СССР признал широкую автономию Монголии как государства, которая не допускала вмешательства Китая [Кузьмин, 2016, с. 362]. В результате МНР оставалась независимым государством. В январе 1946 г. правительство Китайской республики признало итоги референдума 1945 г., когда практически все население МНР проголосовало за независимость. Это открыло широкое международное признание независимого государства Монголия.

Таким образом, Монголия никогда не была частью Китая и в период существования империи Цин представляла разрозненные владения, находившиеся в основном в вассальной зависимости от маньчжурской династии. Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. было легитимным. Включение монгольских земель в состав Китайской республики было нелегитимно. Ко времени заключения соглашения 1912 г. при всех различиях подходов российской и монгольской сторон их интересы по ряду позиций совпадали: Монголия не должна была колонизироваться китайцами и китаизироваться, ее провозглашенная независимость и самоуправление должны были в той или иной форме сохраняться с опорой на развитие отношений между Монголией и Россией. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. явилось результатом взаимных компромиссов российской и монгольской сторон. Это первое международное соглашение новой Монголии. По содержанию, способу выработки и заключения это был документ о создании независимого государства, каковым его справедливо считали монголы. Его подписанием Россия признала государственность Монголии, ее договороспособность и международную правосубъектность, абсолютную теократическую монархию как форму правления страной. Кяхтинское соглашение 1915 г., пришедшее на смену соглашению 1912 г., инкорпорировало ряд положений последнего. Фактически оно признавало государственность Монголии, ее автономию под чисто формальным сюзеренитетом Китая и т. д. В результате нелегитимной отмены автономии Внешней Монголии Китаем в 1919 г. она приобрела статус оккупированного государства. Барон Р. Ф. Унгерн в 1921 г. освободил Внешнюю Монголию от оккупации и восстановил ее независимость. Этот статус сохранялся и у МНР до 1946 г., после чего наступило широкое международное признание независимого государства Монголия. Но основу статусу современной Монголии как независимого государства положило именно Русско-Монгольское соглашение 1912 г., санкционированное двумя монархами — Россией и Монголией.

Источники и литература/ Sources and References

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Moscow].

Бакич О. История дневника И. Я. Коростовца. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 49–52 [Bakich O. History of I. Ya. Korostovets diary. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 49–52 (in Russian)].

Балдоо Б., Дамдинсүрэн С., Хайсандай Л. *Монголын тусгаар тогтнол ба орос хятадын хүчин зүйл*. Улаанбаатар, 1999 [Baldoo B., Damdinsuren S., Khaisandai L. *Mongolian independence and the Russian-Chinese influence*. Ulaanbaatar, 1999 (in Mongolian)].

Баранов И. Китайская печать о русско-монгольском соглашении. *Вестник Азии* (Харбин). 1913. № 13 (январь). С. 77–86 [Baranov I. Chinese press on the Russo-Mongolian Agreement. *Vestnik Azii* (Harbin). 1913. No. 13. Pp. 77–86 (in Russian)].

Батбаяр Ц. *Монгол ба их гүрнүүд XX зууны эхний хагаст*. Улаанбаатар, 2006 [Batbayar Ts. *Mongolia and great powers in the first half of the 20th Century*. Ulaanbaatar, 2006 (in Mongolian)].

Батбаяр Ц. *Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа*. Улаанбаатар, 2008 [Batbayar Ts. *International relations of the Mongolian States in the period of the Elevated by the Many*. Ulaanbaatar, 2008 (in Mongolian)].

Батбаяр Ц. 1912 оны Монгол-Оросын хэлэлцээр ба Юань Шикайн байр суурьтай холбоотой зарим асуудал. *Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура*. Улан-Батор — Иркутск, 2013. Х. 128–134 [Batbayar Ts. The 1912 Russo-Mongolian Agreement and some problems of the position of Yuan Shikai. *Rossiya i Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kultura*. Ulaanbaatar — Irkutsk, 2013. Pp. 128–134 (in Mongolian)].

Батсайхан О. Монголо-русское соглашение 1912 г. *Восток*. 2009. № 3. С. 60–69 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Agreement. *Vostok (Oriens)*. 2009. No. 3. Pp. 60–69 (in Russian)].

Батсайхан О. Монголо-российский договор о дружбе 1912 г. и И. Я. Коростовец. *Монголия сегодня*. № 42–43 (552–553). 01.11.2012. С. 11 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Friendship Agreement and I. Ya. Korostovets. *Mongoliya segodnya*. No. 42–43 (552–553). 01.11.2012. P. 11 (in Russian)].

Батсайхан О. Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 — мае 1913 г. Иван Яковлевич Коростовец. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2013. № 4 (12). С. 77–87 [Batsaikhan O. The Russian Imperial Government Plenipotentiary Ivan Yakovlevich Korostovets in Mongolia in August 1912 — May 1913. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN*. 2013. No. 4 (12). Pp. 77–87 (in Russian)].

Батсайхан О. Монгол Оросын 1912 оны найрамдлын гэрээ ба И. Я. Коростовец. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. Х. 21–48 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Friendship Agreement and I. Ya. Korostovets *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 21–48 (in Mongolian)].

Батсайхан О. *Монголия на пути к государству-нации (1911–1946)*. Иркутск — Улан-Удэ, 2014 [Batsaikhan O. *Mongolia on the road to the nation-state*. Irkutsk — Ulan-Ude, 2014 (in Russian)].

Батсайхан О. Монголо-российский договор о дружбе 1912 года и И. Я. Коростовец. *Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука*. Иркутск — Улан-Батор, 2016. С. 58–71 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Friendship Agreement and I. Ya. Korostovets. *Rossiya i Mongoliya: istoriya, diplomatiya, ekonomika, nauka*. Irkutsk — Ulaanbaatar, 2016. Pp. 58–71 (in Russian)].

Батсайхан О. *Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды*. М., 2018 [Batsaikhan O. *The Last Great Khan of Mongolia the 8th Bodg Javzandamna Khutuktu. Life and legends*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Батсайхан О. Монголо-русский договор 1921 г. как начало дипломатических отношений двух стран. *Россия — Монголия: 100 лет вместе. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений*. Иркутск, 2021. С. 18–33 [Batsaikhan O. The 1912 Mongolian-Russian Treaty as the beginning of diplomatic relations between the two countries. *Rossiya — Mongoliya: 100 let vmeste*. Irkutsk, 2021. Pp. 18–33 (in Russian)].

Батунаев Э. В. *Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.)*. Улан-Удэ, 2015 [Batunaev E. V. Fight for the independence of Mongolian state (1911–1921 гг.). Ulan-Ude, 2015 (in Russian)].

Белов Е. А. Реакция в Китае на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. (к истории русско-китайских отношений). *Проблемы Дальнего Востока*. 1994. № 4. С. 108–118 [Belov E. A. Reaction in China to the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1994. No. 4. Pp. 108–118 (in Russian)].

Белов Е. А. *Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.* М., 1997 [Belov T. A. Russia and China in the beginning of the 20th Century. Russian-Chinese contradictions in 1911–1915. Moscow, 1997 (in Russian)].

Белов Е. А. *Россия и Монголия (1911–1919 гг.)*. М., 1999 [Belov E. A. *Russia and Mongolia (1911–1919 гг.)*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Восток (Харбин) [*Vostok* (Harbin)] (in Russian)].

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва [State Archive of the Russian Federation, Moscow].

Гримм Э. Д. *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842–1925)*. М., 1927 [Grimm E. D. *Collection of treaties and other documents on the history of international relations in the Far East (1842–1925)*. Moscow, 1927 (in Russian)].

Дарьина Т. С. Роль Российской империи в достижении автономии Внешней Монголии в начале XX века. *Научно-практический электронный журнал Аллея Науки*. 2020. № 1(40). С. 157–161 [Dariina T. S. The role of Russian Empire in the autonomy of Outer Mongolia in the beginning of the 20th Century. *Nauchno-prakticheskii zhurnal Alleya Nauki*. 2020. No. 1(40). Pp. 157–161 (in Russian)].

Дмитриев С. В., Кузьмин С. А. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа. *Восток (Oriens)*. 2014. № 1. С. 5–17 [Dmitriev S. V., Kuzmin S. L. Qing Empire as China: anatomy of a historical myth. *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 1. Pp. 5–17 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. 1958. Т. 2. М. — http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0015_kar&object=translation&d=ru (дата обращения: 05.01.2023) [Documents of foreign policy of the USSR. 1958. Vol. 2. Moscow].

Дудин П. Н. История международных договоров, закрепляющих статус Монголии в начале XX в. (1911–1924 гг.). *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 7. С. 162–165 [Dudin P. N. History of international treaties fixing the status of Mongolia in the beginning of the 20th Century. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 7. Pp. 162–165 (in Russian)].

Дудин П. Н. Статус Внешней Монголии в международных договорах с участием России в начале XX века (1911–1924 гг.). *Евразийский юридический журнал*. 2011. № 5 (36). С. 40–42 [Dudin P. N. Status of Outer Mongolia in international treaties with participation of Russia in the beginning of the 20th Century. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2011. No. 5(36). Pp. 40–42 (in Russian)].

Дудин П. Н. Становление и нормативное закрепление теократической монархии в Монголии. *Право*. 2013. № 2. С. 156–161 [Dudin P. N. Formation and legal fixation of the theocratic monarchy in Mongolia. *Pravo*. 2013. No. 2. Pp. 156–161 (in Russian)].

Дудин П. Н. И. Я. Коростовец, «создатель Монголии», и русская дипломатическая миссия в Урге в 1912 г. *Былые годы*. 2017. Т. 43. № 1. С. 274–284 [Dudin P. N. I. Ya. Korostovets, the «creator of Mongolia» and Russian diplomatic mission in Urga in 1912. *Bylye gody*. 2017. V. 43. No. 1. Pp. 274–284 (in Russian)].

Дудин П. Н., Митупов К. Б.-М. *Становление монгольской государственности (первая половина XX века)*. Улан-Удэ, 2012 [Dudin P. N., Mitupov K. B.-M. Formation of the Mongolian statehood (first half of the 20th Century). Ulan-Ude, 2012 (in Russian)].

Дэндэв Л. *Монголын товч түүх*. Улаанбаатар, 2006 [Dendev L. *Brief history of Mongolia*. Ulaanbaatar, 2006 (in Mongolian)].

Заятуев Г. Н. Пропанганда научных и политических знаний в Монголии в начале XX в. *Культура Монголии в средние века и новое время (XVI—начало XX в.)*. Улан-Удэ, 1986. С. 33–40 [Zayatiev G. N. Propaganda of scientific and political knowledge in Mongolia in the beginning of the 20th Century. *Kultura Mongolii v srednie veka i novoe vremya (16th—beginning of the 20th Century)*. Ulan-Ude, 1986. Pp. 33–40 (in Russian)].

Известия Министерства иностранных дел. 1913, кн. 1 [Proceedings of the Foreign Ministry. 1913, pt. 1 (in Russian)].

История Монгольской народной республики. М. Изд. 1: 1954. Изд. 2: 1967. Изд. 3: 1983 [History of Mongolian People's Republic. Moscow. Ed. 1: 1954; ed. 2: 1967; ed. 3: 1983 (in Russian)].

История Монголии. XX век. М., 2007 [History of Mongolia. 20th Century. Moscow, 2007 (in Russian)].

Каллиников А. *Революционная Монголия*. М., 1926 [Kallinikov A. *Revolutionary Mongolia*. Moscow, 1926 (in Russian)].

Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. — май 1913 г. *Россияне в Азии*. 1995. № 2. С. 85–211 [Korostovets I. Ya. Nine months in Mongolia. Diary of the Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913. *Rossiyanе v Azii*. 1995. No. 2. Pp. 85–211 (in Russian)].

Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. — май 1913 г. *Россияне в Азии*. 1996. № 3. С. 225–292 [Korostovets I. Ya. Nine months in Mongolia. Diary of the Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913. *Rossiyanе v Azii*. 1996. No. 3. Pp. 225–292 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики*. Улан-Батор, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chinggis Khan to Soviet republic*. Ulan-Bator, 2004 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г.* Улаанбаатар, 2009 [Korostovets I. Ya. *Nine months in Mongolia. Diary of the Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913*. Ulaanbaatar, 2009 (in Russian)].

Красный архив. 1929. Т. 6 (37) [Red Archive. 1929. V. 6 (37) (in Russian)].

Кузнецов В. В. Установление дружественных отношений между Монголией и Россией. *Регион в приграничном пространстве. Международная научная конференция, посвященная 165-летию образования Забайкальской области, 165-летию Забайкальского казачьего войска и 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией*. Чита, 2016. С. 32–34 [Kuznetsov V. V. Establishment of friendly relations between Mongolia and Russia. *Region v prigranichnom prostranstve*. Chita, 2016. Pp. 32–34 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Российско-Монгольское соглашение 1912 г. и его историческое значение. *Монголия сегодня*. № 42–43 (552–553). 01.11.2012. С. 10 [Kuzmin S. L. Russo-Mongolian Agreement of 1912 and its historical significance. *Mongoliya segodnya*. 2012. No. 42–43 (552–553). 01.11.2012. P. 10 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и независимость Монголии. *Вестник Московского городского педагогического университета, серия «Исторические науки»*. 2015. № 1. С. 80–87 [Kuzmin S. L. The 1912 Russo-Mongolian Agreement and independence of Mongolia. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, seriya «Istoricheskie nauki»*. 2015. No. 1. Pp. 80–87 (in Russian)].

Кузьмин С. А. *Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века*. М., 2016 [Kuzmin S. L. *Theocratic Statehood and the Buddhist Church in Mongolia in the Beginning of the 20th Century*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Кузьмин С. А. О дипломатических отношениях России и Монголии в начале XX века. *Россия — Монголия: история, вызовы XXI в., перспективы*. Улан-Батор, 2017. С. 104–109 [Kuzmin S. L. On the diplomatic relations between Russia and Mongolia in the early 20th Century. *Rossiya — Mongoliya: istoriya, vyzovy XXI veka, perspektivy*. Ulan-Bator, 2017. Pp. 104–109 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. *Восток*. 2019. № 1. С. 39–54 [Kuzmin S. L. The Problem of vassalage in the West and the East: relations of the Qing Empire with Mongolia and Tibet. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 39–54 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Динамика правового статуса Монголии в XX веке. *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. С. 58–67 [Kuzmin S. L. Dynamics of the legal status of Mongolia in the 20th Century. *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. No. 1. Pp. 58–67 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг — Монголыг чөлөөлөгч. *Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг*. Улаанбаатар, 2021. Х. 61–86 [Kuzmin S. L. Baron R. F. von Ungern-Sternberg, the liberator of Mongolia. *Mongolyn Tuukhen Dekh Baron R. F. von Ungern-Sternberg*. Ulaanbaatar, 2021. Pp. 61–86 (in Mongolian and Russian)].

Кузьмин С. А. О дипломатических отношениях между Россией и Монголией до и после 1921 г. *100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству*. М., 2022. С. 52–65 [Kuzmin S. L. On diplomatic relations between Russia and Mongolia before and after 1921. *100 years of diplomatic relations between Russia and Mongolia: from amicable relations to comprehensive strategic partnership*. Moscow, 2022. Pp. 52–65 (in Russian)].

Курас Л. В. Синьхайская революция 1911–1913 гг. и Монголия: современная российско-монгольская историография. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2015. № 2 (18). С. 97–111 [Kuras L. V. The Xinhai Revolution of 1911–1913 and Mongolia: modern Russian and Mongolian historiography. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN*. 2015. No. 2 (18). Pp. 97–111 (in Russian)].

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. 100 лет Российско-Монгольскому соглашению 1912 года. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2012. № 2 (6). С. 213–219 [Kuras L. V., Tsybenov B. D. 100 years of the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN*. 2012. No. 2 (6). Pp. 213–219 (in Russian)].

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. От Уполномоченного императорского российского правительства в Монголии И. Я. Коростовца до Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенка: к 100-летию российско-монгольских дипломатических отношений. *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 2. С. 351–365 [Kuras L. V., Tsybenov B. D. From the plenipotentiary of the Russian Government in Mongolia I. Ya. Korostovets to plenipotentiary of the NKVD RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek: to the 100 years of the Russo-Mongolian diplomatic relations. *Mongolovedenie*. 2021. V. 13. No. 2. Pp. 351–365 (in Russian)].

Кушелев Ю. *Монголия и монгольский вопрос*. СПб., 1912 [Kushelev Yu. *Mongolia and the Mongolian Question*. St. Petersburg, 1912 (in Russian)].

Липовцов С. *Уложение китайской Палаты внешних сношений*. Т. 1, 2. СПб., 1828 [Lipovtsov S. *The Lifanyuan Code*. V. 1, 2. St. Petersburg, 1828. (in Russian)].

Лиштованный Е. И. К вопросу о философии национально-освободительного движения в Монголии. *Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2007. № 1. С. 71–79 [Lishtovannyi E. I. To the problem of philosophy of the national liberation movement in Mongolia. *Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii*. 2007. No. 1. Pp. 7–79 (in Russian)].

Лонжид З. *Түүх сөхөхүй*. Улаанбаатар, 2011 [Lonjid Z. *Opening pages of history*. Ulaanbaatar, 2011 (in Mongolian)].

Лузянин С. Г. *Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.* М., 2013 [Luzyanin S. G. *Russia — Mongolia — China in the first half of the 20th Century*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Лю Сунбинь, Лю Хайтао, Ли Янь, Ли Шиань, Чжан Цюаньсинь, Чжан Шухуа, Чжан Шуньхун, Сун Гуйлунь, Пан Сяомин, Чжу Хуанхэ, Цзян Хуэй, Пу Голян. *История международного коммунистического движения*. М., 2016 [Liu Songbin, Liu Haitao, Li Yan, Li Shian, Zhang Quangxin, Zhang Shuhua, Zhang Shunhung, Song Guilun, Pang Xiaoming, Zhu Huanghe, Jian Hui, Pu Guoliang. *History of international communist movement*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Марсаржав Н. *Монгол улсын шинэ түүх* [Новая история Монголии]. Улаанбаатар, 1994 [Magsarjav N. *Modern history of Mongolia*. Ulaanbaatar, 1994 (in Mongolian)].

Мартенс Ф. *Современное международное право цивилизованных народов*. СПб., 1882. Т. 1 [Martens F. *Modern international law of civilized peoples*. St. Petersburg, 1882. V. 1 (in Russian)].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917. Серия 2. 1900–1913. Т. 20, ч. 2. Москва — Ленинград, 1940 [International relations in the epoch of imperialism. Documents from the archives of the Tsar's and Temporary governments in 1878–1917. Series 2. 1900–1913. V. 20, pt. 2. Moscow-Leningrad, 1940 (in Russian)].

Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. Улаанбаатар, 2013 [Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets. Ulaanbaatar, 2013 (in Mongolian)].

Наками Т. Несколько заметок о русском дипломате И. Я. Коростовце и Русско-Монгольском соглашении 1912 года. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 53–66 [Nakami T. Some remarks on the Russian diplomat I. Ya. Korostovets and the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 53–66 (in Russian)].

Новое время (Харбин) [Novoe vremya (Harbin) (in Russian)].

Нольде Б. Э. Международное положение Монголии. *Право*. 1915. № 34. С. 2153–2168; № 35. С. 2217–2231 [Nolde B. E. International status of Mongolia. *Pravo*. 1915. No. 34. Pp. 2153–2168; No. 35. Pp. 2217–2231 (in Russian)].

Нольде Б. Э. *Далекое и близкое. Исторические очерки*. Париж, 1930 [Nolde B. E. *Dalekoe i blizkoe. Historical accounts*. Paris, 1930 (in Russian)].

Нота посланника кн. Кудашева. *Русский голос* (Харбин). 30.09.1920 [The note be Prince Kudashev, the plenipotentiary. *Russkii Golos* (Harbin). September 30. 1920 (in Russian)].

Овчинников В. А. Международное положение Монголии десять лет тому назад (из прошлого русской дипломатии на Дальнем Востоке). *Жизнь Бурятии*. 1925. № 9–12. С. 25–38 [Ovchinnikov V. A. International position of Mongolia 10 years ago (from the past of the Russian diplomacy on the Far East). *Zhizn Buryatii*. 1925. No. 9–12. Pp. 25–38 (in Russian)].

Овчинников В. Из юридической литературы о международном положении Монголии. Высшая школа в Харбине. *Известия Юридического факультета*. 1926. Т. 3. С. 35–43 [Ovchinnikov V. From juridical literature on the international status of Mongolia. *Vyshshaya shkola Harbina. Izvestiya Yuridicheskogo fakulteta*. 1926. V. 3. Pp. 35–43 (in Russian)].

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 32. 1912. Отделение 1. От № 36391–38603 и Дополнения. Петроград, 1915 [Full collection of laws of the Russian Empire. Division 3. V. 32. 1912. Division 1. From no 36391–38603 and Addenda. Petrograd, 1915 (in Russian)].

Правительственное сообщение 26 октября 1912 г. (*Правительственный вестник*. 26 октября 1912 г. № 234). *Известия Министерства иностранных дел*. 1913. № 1. С. 46–48 [Governmental report in October 26. 1912 (*Pravitelstvennyi vestnik*. 26 October 1912. No. 234). *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del*. 1913. No. 1. Pp. 46–48 (in Russian)].

Пунцагноров Ц. *Монголын автономит үеийн түүх. 1911–1919*. Улаанбаатар, 1955 [History of Mongolia in the period of autonomy, 1911–1919. Ulaanbaatar, 1955 (in Mongolian)].

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Москва — Улан-Удэ, 2008 [Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946). Moscow — Ulan-Ude, 2008 (in Russian)].

Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. Москва, 1958 [Russian-Chinese relations in 1689–1916. Official documents. Moscow, 1958 (in Russian)].

Сандаг Ш. *Монгол улс төрийн гадаад харилцаа, 1850–1919*. Улаанбаатар, 1971 [Sandag Sh. *International relations of Mongolia in 1850–1919*. Ulaanbaatar, 1971 (in Mongolian)].

Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. — 2 ноября 1913 г.). СПб., 1914 [Collection of diplomatic documents on the Mongolian question August 23, 1912 — November 2, 1913. St. Petersburg, 1914 (in Russian)].

Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952 [Collection of treaties between Russia and other countries, 1856–1917. Moscow, 1952 (in Russian)].

Сизова А. А. Оценки монгольского движения за независимость начала XX в. в трудах современных китайских исследователей. *Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы IV Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН*. М., 2016. С. 19–29 [Sizova A. A. Estimations of the Mongolian independence movement in the beginning of the 20th Century in the works of modern Chinese researchers. *Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost*. Moscow, 2016. Pp. 19–29 (in Russian)].

Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1912. № 255. С. 4375–4377 [*Collection of legislation and directives of the government*. 1912. No. 255. Pp. 4375–4377 (in Russian)].

Тачибана М. *Монголын мартагдсан түүх. Богд хаант засгийн газар (1911–1921)*. Улаанбаатар, 2011 [Tachibana M. *Mongolian forgotten history. The Bogdo Khan's Government (1911–1921)*. Ulaanbaatar, 2011 (in Mongolian)].

Тачибана М. 1912 оны Орос-Монголын найрамдлын гэрээ ба олон улсын эрх зүй. *Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. Улаанбаатар*, 2013. Х. 94–104 [Tachibana M. The 1912 Russo-Mongolian Friendship Treaty and international situation. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 94–104 (in Mongolian)].

Тачибана М. Правительство автономной Внешней Монголии в истории: оценки в прошлом и настоящем. *Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии (Труды Института востоковедения РАН. Вып. 25)*. Москва, 2019. С. 121–142 [Tachibana M. The government of autonomous Outer Mongolia in history: estimations in the past and present. *Institut Bogdo-gegena v istorii Mongolii (Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Issue 25)*. Moscow, 2019. Pp. 121–142 (in Russian)].

Шинэ тол хэмээх бичиг (Нийслэл-хурэ) [Shine tol khemeekh bichig (Niislel Khuree) (in Mongolian)].

Ширендыб Б. *Монголия на рубеже XIX–XX веков*. Улан-Батор, 1963 [Shirendyb B. Mongolia at the border of 19th and 20th centuries. Ulan-Bator, 1963 (in Russian)].

Штейнфельд Н. Важная недомолвка в Ургинском договоре. *Вестник Азии*. 1913. № 15. С. 23–26 [Shteinfeld N. Important understatement in the Urga treaty. *Vestnik Azii*. 1913. No. 15. Pp. 23–26 (in Russian)].

Юдин В. Пятнадцатилетие освобождения Монголии. *Борьба классов*. 1936. № 7. С. 67–77 [Yudin V. 15 years of liberation of Mongolia. *Borba klassov*. 1936 No. 7. Pp. 67–77 (in Russian)].

Accord d'amitie et de commerce; signe a Ourga, le 21 octobre/3 novembre, suivi d'un Protocole, signe a la date du meme jour. Triepel H. *Nouveau Recueil General de Traites et Autres Actes Relatifs aux Rapports de Droit International*. 3 serie. V. 7, livr. 1. Leipzig, 1913. Pp. 11–17.

American Journal of International Law. 1916. V. 10. No. 4. Supplement: Official Documents (Oct., 1916). P. 239–246.

Dallin D. J. *The Rise of Russia in Asia*. London, 1950.

Evening Star (Washington).

Fort Mill Times (Fort Mill).

Friters G. M. The prelude to Outer Mongolian independence. *Pacific Affairs*. 1937. V. 10. No. 2. Pp. 168–189.

Her E. The «Great Game»: Mongolia between Russia and China. *Mongolian Journal of International Affairs*. 1997. No. 4. Pp. 62–71.

Leibold J. Competing narratives of racial unity in Republican China: from the Yellow Emperor to Peking man. *Modern China*. 2006. V. 32. No. 2. Pp. 181–220.

Leong S.-N. *Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1926*. Canberra, 1976.

Liu Chunling. Yuan Shikai zaiwai menggu zizhi zhong de waijiao zhengce. *Baicheng shi fan xue yuan xue bao* [Liu Chunling. Yuan Shikai foreign policy in the question of the Outer Mongolia autonomy. *Journal of Baicheng Normal College*. 2005. No. 4. Pp. 80–84 (in Chinese)].

MacMurray J. V. A. *Treaties and Agreements with and Concerning China 1894–1919. V. 2. Republican Period (1912–1919)*. New York, 1921.

Mansvetov F. Russia and China in Outer Mongolia. *Foreign Affairs*. 1945. V. 24. No. 1. Pp. 143–152.

- Miele M. *Mongolian Independence and the British. Geopolitics and Diplomacy in High Asia, 1911–1916*. Bristol, England, 2022. — <https://www.e-ir.info/2022/08/19/mongolian-independence-and-the-british-the-chinese-backdown/> (дата обращения: 04.12.2022).
- Nemzer L. The status of Outer Mongolia in international law. *American Journal of International Law*. 1939. V. 33. No. 3. Pp. 452–464.
- New York Herald* (New York).
- New York Tribune* (New York).
- Onon U., Pritchatt D. *Asia's First Modern Revolution. Mongolia Proclaims Its Independence in 1911*. Leiden, 1989.
- Oppenheim L. *International Law. A Treatise. V. 1. Peace*. London — New York — Bombay, 1905.
- Outer Mongolia. Treaties and Agreements. Carnegie Endowment for International Peace. Division of International Law. Pamphlet no 41*. Washington, 1921.
- Shaw M. N. *International Law*. Ed. 6. Cambridge etc., 2008.
- Tang P. S. H. *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911–1931*. Durham, 1959.
- The Sun* (New York).
- Washington Herald* (Washington).
- Weale B. L. P. *Fight for Republic of China*. London, 1918.
- Zhao G. Reinventing China: imperial Qing ideology and the rise of modern Chinese national identity in the early Twentieth Century. *Modern China*. 2006. V. 32. No. 1. Pp. 3–30.